

Сейчас все бредят выходом из страны. И союзные республики, и многие автономные. Но вопрос этот колоссальной сложности, и те, кто так смело предлагает отделяться, не представляют всех его оттенков.

НАШИМ большим несвободой народам свобода пришла, как в тюремную больницу. Главврач вошел и объявил: «Вы теперь свободны». Но состояние здоровья больных таково, что ни один врач не в силах сказать, можно ли больным встать и уйти или еще нельзя. Пока неясно, что лучше для больного: двигаться или лежать — лучше лежать и лечиться проверенным временем лекарством. Этим лекарством все ныне цивилизованное человечество лечилось от феодализма. Если мы действительно оздоровим страну, хотя бы сделаем первые, успешные шаги к нормальным демократическим порядкам, кто же тогда может запретить тому или иному народу выйти из Союза? Если он этого захочет в новых условиях? А если перестройка окончится крахом и в стране произойдет переворот, тогда и отделившиеся народы будут снова, уже, может быть, с кровью притянуты к центру. И никто в мире их не защитит.

Но почему именно у нас национальные отношения зашли в такой безумный тупик? В Соединенных Штатах неудачливый предприниматель не может сказать себе, что, мол, я потерпел фиаско, потому что не принадлежу к правящей партии или англо-саксонскому большинству. Если он так скажет, на него посмотрят, как на сумасшедшего, потому что это слишком явно не похоже на правду. И он это знает, и потому утешается прекрасной, неоскорбительной для собственного самолюбия формулой:

— Мне не повезло.

Но наш человек, не сумевший сделать карьеру, во многих случаях вполне оправданно может сказать себе: я не сумел сделать карьеру, потому что беспартийный и не принадлежу к нации, которая в данном районе страны считается главной.

Оставим партийный признак. Здесь и так все ясно. Остается национальный. Человек, по национальному признаку не сумевший сделать карьеру, не может в глубине души не чувствовать себя обиженным народом, который в данном районе страны считается главным или преимущественным, хотя не народ выдумал эти порядки.

Такой человек озлобляется, и его путь пока пассивное озлобление не может не замечаться представителями преимущественного народа, что, конечно, вызывает встречное озлобление и подозрительность. Впрочем, встречное озлобление может возникнуть гораздо раньше.

Там, где управленческий аппарат создается не по законам личной конкуренции, а у нас его везде создавали по признаку национального представительства, там все недовольны. Тех, кого представляют большинством, хоят, чтобы их было еще больше, а те, которые представлены меньшинством, естественно, считают, что их недооценили.

А самое главное, при таком раскладе ни один народ не представляется своими лучшими сыновьями. Там, где надо угождать перед аппаратом, люди достойные опускают глаза, а недостойные тянутся и выдвигаются как лучшие национальные кадры.

Получается всеобщая в масштабах страны победа недостойных над достойными. Но недостойным в свою очередь легче опираться на недостойных, но близких по национальному признаку. Чем слабее человек одарен духовно, тем сильнее в нем биологические привязанности. Отсюда клонные кланы национализма, очаги грядущих кровопролитий.

ТО, что наше государство манипулирует национальностью граждан, со всей ясностью вытекает из того факта, что у каждого в паспорте указана его национальность. Как будто человек сам не помнит своего происхождения.

Но раз государство манипулирует национальной принадлежностью граждан, граждане тоже начинают манипулировать этим. Некоторые стремятся попасть в нацию, которая выгодна в данном районе страны. Поэтому и милиция при выдаче паспортов строго следит, как бы гражданин ее не обманул и не юркнул из одной нации в другую. Но какое дело государству до моей национальной принадлежности?

Изначально, конечно, не было желания по-разному относиться к разным народам, но изначально была диктатура хозяина, желание припилить человека к месту всеми возможными способами, в том числе и этим.

Знаменитая ленинская формула «государство есть орган насилия» — это не случайные слова, сказанные в горячке спора, а глубоко продуманный взгляд подпольщика-революционера.

Тоталитарное государство, каким оно было у нас семьдесят лет, безусловно и есть орган насилия. В нормальном государстве как раз все обстоит наоборот. Нормальное государство есть орган гармонизации национальной жизни и защиты сограждан от хаоса и насилия.

Разумеется, и нормальное государство, подавляя насилие, вынуждено проявлять насилие. Но это ответное или предупреждающее насилие. Насилие нормального государства — это всегда меньшее насилие, предупреждающее большее насилие.

Так, милиционер на перекрестке останавливает и штрафует водителя, нарушающего правила езды, то есть применяет меньшее насилие, чтобы предупредить большее насилие автомобильной катастрофы.

Кстати, в Америке я несколько раз вблизи видел американского полицейского. Не знаю, всегда ли это так, но я каждый раз замечал открытую кобурку с грозно торчащим оттуда пистолетом. Всем своим степенным, уверенным обликом

полицейский как бы говорил: «Я защищаю закон. Со мной шутки плохи».

И в самом деле, вероятно, с ним шутки плохи. Но характерна откровенность его облика. У нас люди, осуществлявшие самую страшную власть над людьми, всегда были неопознаваемы на улице. Их вообще нельзя было узнать, пока они ночью не являлись за тобой. И человек, особенно в сталинские времена, чувствовал, что они везде и нигде. Это вносило в жизнь тихое оцепенение, которое наивные люди теперь принимают за воспоминание о порядке.

Не так давно в очереди за хлебом один пожилой человек крыл всю Горбачева и ностальгически вспоминал чудную жизнь при Сталине. Мне надоело его слушать, и я сказал, что, если бы он такое говорил при Сталине, он вместе со своим семейством исчез бы сегодня ночью. Он яростно заспорил, утверждая, что все это вранье, брали только врагов. Однако через некоторое время (хлеб все еще не привозили) он вдруг покинул

Фазиль ИСКАНДЕР:

Письмо друзьям

очередь и исчез. Боюсь, что он кое-что припомнил, да и меня, может, принял за представителя власти.

Сегодня легко забывают, что дневное благообразие жизни в те времена поддерживалось ужасом ночных арестов. Человек жил по принципу: тебя взяли, а я пойду пить чай. И чай в самом деле становился слаще оттого, что взяли другого, словно сахар арестованного досыпался в твой стакан. Слаб человек, и приспособляемость его, в зависимости от обстоятельств, принимает самые подлые формы.

Марксизм всегда отличался чрезвычайной бедностью понимания психологии человека. И это следует из самой его сути. Если поведение человека предопределено его классовым интересом, значит, тип его психологии мы знаем заранее, он вытекает из принадлежности к тому или иному классу.

Вместе с тем марксизм, порожденный искренним желанием помочь угнетенным, благодаря своей универсальности объяснения мира стал самым соблазнительным учением двадцатого века. Но искренность, как говорил Достоевский, недостаточна.

Я думаю, успех марксизма объясняется особенностями всемирно-психологических обстоятельств двадцатого века. Деятельный век с его развитием науки и с усилением веры в науку подготовил в людях победу атеистического сознания.

Но постепенно победа атеистического сознания порождала именно в людях этого сознания тоску по универсальному объяснению мира, которое раньше им давала отвергнутая ими теперь религия.

Но сами они, не понимая, что тоскуют по отвергнутому ими религиозному сознанию, жадно набросились на марксизм. Потому что марксизм, с одной стороны, соответствовал их атеистическим представлениям, а с другой стороны, давая универсальное объяснение миру, утолял и вносил в сознание этих людей мниморелигиозную стройность.

Как и религия, марксизм выступал защитником бедных, как и религия, которая после жизни обещает каждому человеку воздать по заслугам, марксизм обещает то же самое сделать в конце истории.

Просто Бог переместился с небес на землю и потребовал от людей большей решительности и быстроты, ибо все, что раньше предполагалось делать в земном и небесном времени, должно делаться в одном времени нашей жизни.

Как наука марксизм орудовал логикой, как религия объяснял все. Но чем сильнее была в людях атеистического сознания тоска по универсальному объяснению жизни, тем меньше они были склонны подвергать беспощадному анализу логику Маркса.

Не случайно у нас в стране и во всех странах социализма везде выставлялся один и тот же портрет Маркса с библейской бородой. Говорят, у Маркса было немало других снимков, но этот единственный, с пророческой бородой, которой он оброс во время болезни, был сделан по настоянию дочери из любви к экзотике. И именно этот вытеснил все остальные.

Могут сказать, что у нас марксизм извратили. Но тогда надо сказать, что его извращали везде, где только правящая партия пыталась строить социализм по его схеме. А раз так, значит, личинку распада его учение само носило в себе.

Суть дела заключается в том, что человек — существо творческое, а не классовое. Классовая страсть не является ни единственной его страстью, ни преимущественной. Среди множества человеческих страстей самой мощной, самой естественной и самой плодотворной является страсть творческого самоутверждения.

Человек в силу собственного характера или исторических условий может отвлекаться от этой соприродной своей сущности и в сторону классовый, и в сторону националистической страсти. Они и возникают чаще всего, эти страсти, когда по каким-то причинам человеку затруднительно или невозможно самоосуществляться в своей истинной природе.

Мы жили по законам выдуманной психологии человека. И поплатились за это. Там, где утверждается, что истина и нравственность носят классовый характер, разрушается вообще всякое представление об истинности и нравственности. Человек, и без того часто склонный к корысти и жестокости, в учении о классовой борьбе нашел великое оправдание своим низким страстям.

Со времен Сократа высочайшей доблестью человека считалось справедливое суждение. Не только мудростью, но и доблестью, потому что мыслящий человек имел мужество встать над своими интересами и увидеть любой предмет в его истинной сущности. Это требовало от мыслителя не только силы ума, но и этического напряжения, которое в свою очередь подхлещивает ум.

Классовый подход к истине абсурден не только теоретически. Он породил целую армию идеологических жуликов, которые многие годы топ-

тали цвет нации, чтобы украсить собственную убогость.

ТАК что есть человек? Человек по своей природе творец, он жаждет личной инициативы, он хочет себя вложить в свое творчество. При этом нет принципиальной разницы, что именно он творит: плетет ли веник, выращивает ли капусту или пишет картину. Важно, что так именно делать пришлось именно ему в голову и именно он это осуществляет.

Если он сам не может осуществить свой творческий замысел благодаря его сложности и обширности, он ищет других людей, которые могли бы зажечься именно этим его замыслом, тогда они превращаются в его продолжение, а принцип остается в силе. Такова природа истинного коллективизма.

Между таким коллективизмом и нашим обычным — ничего общего. Наш коллективизм никогда хорошо не работал, потому что не был плодом творчества человека, а был навязан сверху. В таком коллективе не бывает полноты самоотдачи, потому что творческая природа человека включается в труд только в условиях внутренней добровольности.

Сегодня перед нами задача грандиозной сложности. Надо вернуть человека к его истинной природе творца, личного хозяина своей творческой природы. Но извращение нашей природы зашло слишком далеко, и тут мне приходится в голову притча о бедном и богатом пьяницах.

Бедный пьяница, дошедший до того, что начал продавать вещи из собственного бедного дома, довольно быстро оголит его и, возможно, однажды с похмелья, оглядев оголенный свой дом, так ужаснется своему падению, что найдет в себе силы переломить себя и перестанет пить.

Богатый пьяница, который стал тащить и продавать вещи из собственного дома, оголит его далеко не так быстро и потому увязнет в пьянстве гораздо глубже и гораздо позже, оголив свой дом и ужаснувшись, все-таки имеет меньше шансов переломить себя и стать нормальным человеком.

Наша страна была очень богата природными ресурсами. Мы слишком долго транжирили и продавали их, как тот богатый пьяница. Теперь очнулись, но так мало веры осталось, так мало сил, так мало умения, так много вороватости.

За хаос в стране несет ответственность не только аппарат, но и мы все, за то, что махнули на себя рукой и примирились со своей позорной ролью полунищих, полуживоденцев.

Если предчувствие завтрашней беды не заставит нас уже сегодня переломить себя и выпрямиться, значит, завтрашняя беда будет реально-стью.

Пусть каждый скажет себе: сегодня мой труд — это как дежурство у постели больной матери. Неужели можно быть небрежностью?

Но если хотя бы половина взрослых людей скажет себе это, никакой катастрофы не будет. Вскоре и вторая половина потянется за первой, потому что другого выхода нет.

Реакция распада должна смениться на реакцию сцепления. Мы под историческим завалом. Но, слава Богу, живы. Давайте пробиваться друг к другу. Ты себе не нужен, тебе ничего не надо? Но ты пойми, что ты нужен другому, и как только это поймешь, почувствуешь желание жить. Чтобы спасти себя, надо спасти другого. Так было всегда. В этом мудрость природы.

Давайте вспомним, из какого кровавого развала страны и душ вылезла послевоенная Германия и расцвела. И мы вылезем.

Мы изверились в себе. А между тем не напрасно говорились, что наши люди не менее талантливы, чем жители более везучих стран.

Я был в Америке. Жил среди наших эмигрантов. Это обыкновенная наша интеллигенция, отнюдь не сливки науки. Почти все они показали себя там прекрасными знатоками своего дела и

нередко опережают коренных американцев. Да, конечно, в чужой стране в человеке с особой силой работает пафос самоутверждения. Не странно ли, что в собственной стране мы вообще лишили его этого творческого пафоса? Но, оказывается, там в нашем человеке работает и преимущество более широкого взгляда на вещи. Не будем гадать об истоках этого более широкого взгляда: скорее всего там, где все не устроено, человек чаще поднимает голову над своим делом, чтобы сорганизоваться в окружающем мире. Но этот более широкий взгляд на мир оказался весьма полезным даже в точных науках. Мне говорили, что американский конгресс выразил благодарность русским эмигрантам за большой вклад в американскую науку...

ЕСЛИ закрыть глаза и представить наш телеэкран за многие месяцы, то такое ощущение, что правительство что-то мылит и мылит. Смысл не ясен, но впечатление такое, что оно все время Умоляет Нас Пожалеть Его.

Как могло случиться, что правительство все время умоляет прийти к помощи людям, которых убивают и насилуют погромщики? И при этом обнаруживается, что все эти погромы достаточно тщательно и не слишком скрытно готовились.

Как могло случиться, что тысячи и тысячи людей покидают города и села, где прожили всю жизнь, и становятся беженцами, теряя нажитое, квартиры, надежды?

Как могло случиться, что какие-то люди блокируют железные дороги и поезда не ходят неделями, а правительство ничего не может сделать? Выходит, завтра на улице Горького разлягутся какие-то люди, и движение остановится на несколько дней? В Москве это невозможно? Значит, в единой стране законы действуют по-разному? Тогда зачем призывы к единству страны?

Однажды ночью в живописном маленьком немецком городке я вместе с несколькими нашими туристами перешел улочку, хотя светофор горел красным светом. Но пустынная улочка, поздний час, и мы по привычке перешли улицу. И тут только, почему-то оглянувшись (может быть, слышалась реплика), я увидел, что несколько немцев стоят и ждут зеленого света.

Я почувствовал, что это не случайность. И то, что мы, не сговариваясь, перешли улицу, и то, что они, не сговариваясь, стояли и ждали зеленого света.

У нас и у людей Запада сложилась разная психологическая установка или разная ментальность, как сейчас принято говорить.

Западный человек не боится начальства, но платой за это является уважение к закону. Сложился незримый общественный договор. Прочность его основана на взаимной выгоде исполнения закона и властями, и гражданами.

Наш человек до последнего времени боялся начальства, но платой за это было неуважение к закону там, где начальство этого не видит. Это тоже общественный договор. Власть без слов, конечно, договорилась с народом: воруй, но не попадайся, зато никогда не спрашивай у начальника, почему именно он начальник.

А что же закон? Закон был как подследственный, но злой пес при начальстве. Захочет — спустит его на тебя, захочет — сам закон запрет в конуру и выпьет с тобой в самое незаконное время.

Кара начальства, когда оно хотело карать, как бы исходила из мирового духа диктатуры пролетариата. А что в данный миг думает о тебе мировой дух, понять было совершенно невозможно. И человек цепенел. А потом водкой снимал оцепенение. По-видимому, мировой дух, именно потому что он дух, ничего против водки не имел. Поймем ли мы, наконец, великий крик души пьяного русского человека: «Ты меня уважаешь?»

Мы сегодня пытаемся сменить психологическую установку на западный лад. Не потому, что он западный, а потому, что правильный. Когда-то она и у них была точно такой же, как и у нас.

Но что у нас сегодня получается? С разрешения начальства люди перестали бояться начальства. Но начальство подразумевало, что теперь народ начнет уважать законы. Но народ не спешит уважать законы, и начальство горько обижается на неблагодарность народа.

А между тем, чтобы сработала новая психологическая установка, нужно, чтобы начальство само научилось уважать законы и подчиняться им. Но это ему еще труднее дается, чем народу, ибо оно никак не может привыкнуть к мысли, что сегодня обязано подчиняться своему вчерашнему сторожевому псу.

И мы сейчас живем в дурной бесконечности беззакония. Прервать ее может только правительство, со всей ясностью перед всем народом подчиняясь своим же законам, и со всей властью, данной ему законом, подчиняя сограждан власти закона.

КОГДА-ТО у нас показывали телевизионный репортаж из Америки. Там какие-то родители-расисты не пускали негритянку девочку в школу. И вот, чтобы защитить ее, чтобы дать девочке беспрепятственно войти в школу, американские солдаты выстроились в два ряда, и девочка прошла в школу по этому живому коридору государственной власти.

Наши хотели показать подлость расизма, которая и так очевидна. Но я в этих кадрах увидел неслыханную красоту силы закона, ее этическую непреклонность. Могучий слон государственности посадил на свой хобот маленькую девочку и внес ее в школу.

Мы истосковались по такому зрелищу в родной стране. Когда же нас потрясет наше государство великой красотой закона? Когда же, наконец, оно протянет добрый хобот слабому и грозно обернется в сторону насильника и погромщика, выставив свои мощные бивни?